

На главных улицах Города Ручья можно было увидеть тяжелораненого молодого мастера Клана Сюй, который хромал на пути к южным воротам. Он не поднимал голову, чтобы видеть дорогу перед собой; его взъерошенные волосы закрывали половину лица - никто не мог увидеть выражение на нем; бросались в глаза лишь синяки и кровь у уголков рта.

Глядя на жалкое состояние, в котором он находился, люди расступались на его пути один за другим.

Многие из прохожих здесь являлись свидетелями сцены перед особняком Клана Сюй ранее.

«Видели его? Он молодой мастер Клана Сюй. Ранее его исключил из клана Сюй Пинфань - невероятно жаль...»

«Знаешь, да? Я видел то, что произошло буквально час назад. Этот домоуправленец Клана Сюй был непомерно высокомерен и неблагоразумен. Он даже ударил человека, который высказался за справедливость, и бог его знает, жив ли тот еще».

Послышался вздох собеседника, после чего он добавил:

«С этого момента Клан Сюй принадлежит Сюй Пинфану. Бедный маленький ребенок...»

«Тс-с. Говори потише. А то еще этот Сюй Пинфань услышит тебя...»

«Хмф, так и что с того, если он услышит меня. Карма рано или поздно воздаст ему по заслугам за изгнание своего молодого мастера. Какая наглость!»

...

На лицах прохожих, что обсуждали Сюй Пинфана, можно было увидеть гнев. Хотя находились и многие, что не смели даже высказываться, опасаясь последствий. В конце концов, в Сюй Пинфане отсутствовали какие-либо следы благоразумия. Наверняка какая-нибудь беда постигнет людей, если их случайные сплетни будут услышаны кем не надо.

Пока толпа негласно обсуждала произошедшее между собой, патриарх Клана Хелян, Хелян Лян находился неподалеку, наблюдая за всем, что происходило из окна ресторана Ван Цин.

«Патриарх», - почтительно его поприветствовал мужчина средних лет, одетый в одеяние слуги.

Когда Хелян Лян услышал, что к нему обратились, то он не обернулся - вместо этого его взгляд еще серьезней сосредоточился на улицах. Наконец он спросил:

«Вы выяснили, что произошло?»

Слуга тут же тихо ответил:

«Да, Патриарх. Мы узнали, что молодой мастер Клана Сюй был ранен Сюй Пинфаном и изгнан из своего клана. Ему больше не позволено оставаться в Городе Ручья, иначе его снова избьют шестерки или слуги своего же клана, если кто-нибудь из них его увидит. Кроме того, ранее кто-то из толпы попытался защитить молодого мастера... И Сюй Пинфань немедленно послал того полетать ударом ладони...»

Хелян Лян сразу же повернул голову, когда услышал о тирании Сюй Пинфана и поднял бровь:

«О? Сюй Пинфань на самом деле ударил случайного незнакомца?»

Слуга почтительно стал отвечать:

«Да, Патриарх. И сделал это фактически без причины... Также казалось, что сам Сюй Пинфань страдал от неких травм. Его движения представлялись болезненными и неустойчивыми; у него имелось несколько слуг, что поддерживали его».

«Понятно... Ладно, сейчас оставь меня. Я найду тебя, если будет на то необходимость», - и Хелян Лян махнул рукой, после чего повернулся, чтобы продолжить в задумчивости смотреть на улицы через большое окно.

Слуга слегка поклонился. А затем медленно ушел, оставив Хелян Ляна в одиночестве.

Пока он наблюдал за улицами, сквозь разум Хелян Ляна пробежало множество мыслей:

"Похоже, Сюй Пинфань набрался решимости, раз склонился к захвату власти в Клане Сюй. В действительности грех алчности, корыстолюбия ведет к смерти. Сюй Иньчжоу, который был проникательным большую часть своей жизни, фактически доверил своего сына такому мерзкому типу. Плачевно... Плачевно..."

Чувства сожаления поднялись в сердце Хелян Ляна, когда он подумал о Сюй Иньчжоу. Хотя они являлись конкурентами, то, как вел дела Сюй Иньчжоу - у многих людей вызывало восхищение, и Хелян Лян не был исключением. Далее его мысли перекинулись на другое:

"Если подумать, то откуда Сюй Пинфань получил серьезные ранения... С другой стороны - с таким подлым человеком, берущим на себя ответственность за пустую оболочку, коим теперь является Клан Сюй... больше не нужно уделять им почти никакого внимания".

После этого он обратил свой взгляд на далекую фигуру юного мастера, которая вот-вот сейчас исчезнет из виду. Он слегка вздохнул, бормоча себе под нос:

«Сюй Иньчжоу, мне в идеале нужно бы еще усугубить страдания твоего сына, но поскольку мы боролись друг с другом всю нашу жизнь, нас в какой-то степени можно даже считать друзьями. Поэтому я не сделаю ничего с твоим ребенком. И больше не буду создавать хлопоты для его жизни».

В темном углу одной из улиц, патриарх Клана Лян, Лян Ренцин, и его почетный гость, одетый в черное, также наблюдали за развернувшимися событиями - впрочем, без какого-либо вмешательства. Увидев, как силуэт Сюй Ци исчез с его глаз, Ренцин повернулся к своему гостю и сказал:

«С кланом Сюй покончено. Больше не стоит о них волноваться... Давайте вернемся», - договорив, Лян Ренцин повернулся и ушел.

Человек в черном не произнес ни единого слова за все это время. Но после последних брошенных слов Лян Ренцина он погрузился в глубокие размышления, глядя на маленькую спину вдалеке. Вскоре он тоже покинул переулок.

Ему уже ничем не помочь, и даже Хелян Лян и Лян Ренцин больше не интересовались Сюй Ци - это был довольно хороший ход со стороны последнего. Он родился немым, изобразил из себя

шестилетнюю жертву, и как бы потерял свою удачу в тот момент, когда умерли его родители. Кроме того, его исключили из своего же клана! Никто не мог ничего поделать, кроме как выразить свое несогласие с Сюй Пинфаном и посочувствовать Сюй Ци.

В то время, как Сюй Ци подходил к городским воротам с опущенной головой, на его пути встала красивая маленькая девочка в изысканных одеждах.

«Маленький братик, скажи мне, кто тебя обидел. Я заставлю отца отомстить за тебя!» - обратилась она к Сюй Ци.

Сюй Ци посмеялся внутри. Единственным человеком, кто окликнул его, оказалась дочь Мо Динтяна, Мо Лина. Однако он был не в настроении, чтобы разговаривать с ней. Все, чего он хотел, так это быстрее выбраться из Города Ручья, чтобы разобраться со своими собственными делами.

Но Мо Лина не собиралась просто так отпускать его. Она становилась на пути Сюй Ци, независимо от того, в каком направлении он разворачивался или двигался. Его лицо несколько ожесточилось, став подобно камню, и затем он отодвинул Мо Лину. Она, будучи хрупкой девочкой, была отброшена на землю от небольшого толчка Сюй Ци.

Таким образом, Мо Лина сразу почувствовала себя обиженной. Пока она смотрела в спину Сюй Ци, в ее глазах всколыхнулись слезы, который постепенно и бесконтрольно начали стекать по щекам девочки.

Мо Динтянь все это время находился рядом - в паре метров от случившегося, и его застало врасплох то, когда увидел, как Сюй Ци оттолкнул его дочь так, что она упала на землю. Ярость в нем мгновенно поднялась. Он собирался шагнуть вперед, но как только увидел жалкое и несчастное состояние Сюй Ци, то лишь вздохнул и подавил свой гнев. Мо Динтянь быстро подошел к дочери и помог ей подняться. Затем потянул за собой всхлипывающую Мо Лину, что продолжала смотреть в след Сюй Ци, пока ее уводили прочь.

Мо Динтянь посмотрел на свою обиженную дочку, затем перевел взгляд на жалкую фигуру Сюй Ци. В этот момент он думал:

"Не могу поверить, что Сюй Пинфан действительно так сильно навредит этому ребенку и даже избьет молодого мастера своего клана. Действительно, Клан Сюй в данный момент доживает свои последние года. Мало того, что их активы не находятся под их контролем, так они еще оскорбили кого-то, кого не могли себе позволить..." - далее он вздохнул.

"Хм? Перешли дорогу тому, кому не должны были?" - додумав до этого момента, Мо Динтянь внезапно вспомнил загадочного практика, который скрытно начал атаку в Клане Сюй. След страха проявился на его лице - этот таинственный эксперт был слишком могущественным.

"Может быть, Сюй Пинфан пытался защитить жизнь своего молодого мастера и позволить ему бежать из Клана Сюй? Очень возможно! Если это действительно так, то насколько лояльный и преданный этот человек Сюй Пинфан!" - Мо Динтянь уверился в том, что, скорее всего, это и есть основная причина действий Сюй Пинфана. Он удовлетворенно кивнул, словно понял истинную подоплеку высылки Сюй Ци.

Если бы Сюй Ци узнал о том, что напридумывал себе Мо Динтянь, то он, вероятно, упал бы перед ним, подивившись тому, насколько у Мо Динтяна было невообразимо богатое воображение!

Хныкающая Мо Лина внезапно подняла голову и спросила к Мо Динтяна:

«Отец, этот маленький братик умрет от голода?»

Мо Динтянь погладил Мо Лину и мягко сказал:

«Не волнуйся, Лин 'ер. Этот маленький брат не будет голодать. Давай возвращаться», - закончив этими словами, он взял на руки дочку и исчез с улицы.

В этот момент Сюй Ци медленно выходил из городских ворот под сочувствующими взглядами случайных прохожих. Он не останавливался. Вместо этого он продолжал идти прямо вперед. По прошествии неизвестного времени он достиг густого леса. Только тогда он остановился и оглянулся. Город Ручья больше не попадал в его поле зрения. Далее он присел под деревом у обочины.

Устроившись, Сюй Ци тайно начал управлять своей методикой культивирования. Он распространил свое духовное сознание, подтверждая, что никого не было вокруг, и чья-то тень не падала на его голову. После этого он внезапно вскочил, проклиная:

«О, боги, жалостливая сцена была сделана не для случайных людей. Я так устал...»

Сюй Ци немного подвигался, чтобы размять затекшее тело, а затем прибрал растрепанные волосы. Далее он активировал Технику Смещения Души, бросившись в сторону горного хребта, что виднелся вдали.

Вернувшись на территорию клана, Сюй Пинфань уныло присел в своей комнате. Внимательный наблюдатель выявил бы две полосы слез на его лице. Его голова низко опустилась, и он, казалось, о чем-то задумался. Чуть позже он медленно поднял голову. И вздохнул, бормоча себе под нос:

«Молодой господин, позаботьтесь о себе с этого момента...»

Недалеко в горах за пределами города - Сюй Ци увидел впереди посредственную и ничем не выделяющуюся территорию, на которой виднелась сеть построек.

«Это оно», - объявил он.

Сюй Ци несколько раз сбивался с пути, пытаясь найти это место. Если бы не карта, которую Сюй Пинфань нарисовал для него, он, вероятно, не нашел бы этого места даже спустя несколько дней. Глядя на карту, Сюй Ци почувствовал благодарность Сюй Пинфаню за то, что тот молча разделил большую часть его бремени.

Он медленно направился ко дверям на территорию учреждения и через некоторое время остановился возле них. Оглядев вход, он глубоко вздохнул и произнес:

«С этого момента это будет мой дом, здесь же заложен мой фундамент... Назову это место Виллой Божественной Опеки».